

Они стояли во главе консерватории...
*(о ректорах старейшего музыкального вуза
1928 – 2002)*

В 1928 году в Вене состоялся Международный конкурс памяти Шуберта, в члены жюри которого был приглашен известнейший и авторитетнейший композитор и музыкант с европейским именем, к этому времени возглавлявший консерваторию более 20 лет, **Александр Константинович Глазунов**. «Вряд ли можно представить себе человека, который был бы более искренне и всесторонне предан консерватории (не говоря о Рубинштейне), нежели Глазунов. <...> Я полагаю, что в XX веке наша консерватория своим славным именем и процветанием в большой степени обязана Глазунову...» (3, т. 1, с. 41) Действительно, невозможно переоценить вклад Глазунова в развитие и становление первого в России высшего музыкального учебного заведения. Продолжая традиции, вместе с тем именно он в годы бурных общественных преобразований, в годы послевоенного лихолетья, в один из самых тяжелых для страны периодов сумел не только сохранить, но и приумножить достояние и авторитет консерватории. Но... вернуться к своему любимому детищу из заграничной поездки он уже не смог. Несмотря на это, Александр Константинович до конца жизни беспокоился о судьбе того дела, которому отдал столько лет жизни и творчества.

Но кому-то было необходимо следить за состоянием дел консерватории, решать насущные проблемы, и весной 1929 года обязанности ректора были возложены на Е.В. Вольф-Израэля, а в начале 1930 года сначала временно, в ожидании Глазунова, а затем постоянно, директором был назначен **Алексей Иванович Маширов**. Несмотря на то, что Маширов не имел специального музыкального образования, он, тем не менее, хорошо разбирался в вопросах музыкального творчества, и сам был талантливым поэтом, печатавшимся в пролетарских изданиях под псевдонимом Самобытник, и неплохим художником, которому, по воспоминаниям Г.Ф. Фесечко, особенно удавались пейзажи маслом и акварелью. Немалую роль в его назначении сыграла его принадлежность к большевистской партии, что затем помогало ему в решении многих вопросов. Так, понимая губительность отказа от плодотворнейших традиций преподавания и перехода к т. н. бригадно-лабораторному методу, при котором роль педагога снижалась

до предела, а студенты, входившие в бригаду, в конце года отчитывались коллективно, он делал все, чтобы консерватория не теряла своего творческого уровня. В 1930 г. при его непосредственном участии был открыт научно-методический кабинет, затем — вечернее отделение и рабфак, а также хоровое отделение при Оперной студии и рабочий музыкальный университет. Несмотря на то, что обязанности директора он выполнял только до 1933 года, связей с консерваторией он не терял. О многом говорит тот факт, что во время блокады он смог позаботиться о Б.В. Асафьеве:

«Он уговорил Асафьева, когда тот почти неподвижно лежал в постели, переправиться на салазках из здания Театра им. Пушкина, где жил тогда Б. В., на Площадь Труда в его квартиру. Маширов вынес Асафьева из театра и повез вдоль Невского проспекта, мимо Адмиралтейства, по бульвару Профсоюзов на площадь Труда. Каким-то чудом Маширов достал дрова, сам пилил и колол их, топил печку. Затем постепенно он приучал Асафьева к прогулкам и регулярно, несмотря на обстрелы, выводил его на набережную Невы, где, гуляя, вел с ним беседы и читал ему стихи. Эти беседы, как выразился Борис Владимирович, двух русских стариков, проходившие в необычайной обстановке, укрепляли бодрость обоих собеседников. Особенно волнующе, с обновленным смыслом звучали стихи Пушкина, посвященные Петербургу. Тихим, но внятным голосом, великолепно скандируя пушкинский слог, Маширов произносил:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.*

На набережной в это время почти никого не было, лишь изредка доносились глухие разрывы снарядов. Так судьба свела двух замечательных, истинных патриотов Ленинграда, один из которых в прошлом занимал пост директора консерватории, а другой был ее профессором, основателем музыковедческого отделения и главой советской музыковедческой школы». (З, т. 1, с. 141)

Сам Маширов блокаду пережить уже не смог и умер в госпитале от дистрофии сердца 25 июня 1943 года.

О следующем ректоре, **Вениамине Соломоновиче Бухштейне**, известно крайне мало. Он работал в консерватории в 1934 – 1936 гг., в 1937 году был арестован и затем расстрелян, посмертно реабилитирован. Известно, что в это трудное для консерватории время, он «заключал договоры с иностранцами, хранение вещей и сокрытие своих [...]» (Из архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

С большой благодарностью, по свидетельству А.Н. Дмитриева, Асафьев вспоминал также и о **Борисе Ивановиче Загурском** — бывшем своем ученике, заботившемся об Асафьеве «как о самом близком человеке» и очень много сделавшем для него

в блокаду. Загурский был одаренным администратором: с 1938 по 1951 г. он возглавлял Управление по делам искусств Ленинградского городского совета, с 1951 по 1961 был директором Ленинградского Малого Оперного Театра, а сразу же после окончания аспирантуры в 1936 г. был назначен директором консерватории. Этому назначению предшествовала многолетняя работа в качестве помощника директора, в академической комиссии и в студенческий и профсоюзных комитетах, еще в время которой он был, по воспоминаниям Ф.А. Рубцова «за мудрость решения вопросов прозванный студентами Соломоном». (3, т. 2, с. 27) Первой же задачей на новом посту стало привлечение новых, по словам Б.И. Загурского, «не только преподающих, но и выступающих в концертах» профессоров. Таковыми стали В.Х. Разумовская, А.Д. Логовинский, М.Я. Хальфин, Н.Е. Перельман, П.А. Серебряков, Д.Д. Шостакович, В.В. Софроницкий и другие. Одной из задач стала и подготовка к различным конкурсам 1937 – 1938 гг., что с успехом было выполнено, явив внушительный список лауреатов.

В 1937 г. было отпраздновано и 75-летие со дня основания консерватории, а 21 февраля 1938 г. она была награждена Орденом Ленина.

Уходя на другой пост, Б.И. Загурский в качестве своего преемника рекомендовал профессора и известного артиста, с 1930 г. преподававшего в консерватории, **Павла Алексеевича Серебрякова**. Два периода, в течение которых Павел Алексеевич стоял во главе консерватории, составили целую эпоху в ее истории, уже хотя бы по своей продолжительности: в общей сложности, 28 лет (1939 – 1951 и 1961 – 1977 гг.). Безусловно, за это время им было сделано немало для процветания старейшего музыкального вуза России. Прежде всего, следует отметить его непосредственный вклад в развитие русского фортепианного исполнительства: им воспитано множество блестящих учеников, среди которых ставшие преподавателями консерватории Е.А. Шафран, М.Л. Хейфец, Г.П. Федорова, Е.В. Серкова, В.А. Калмыков, А.С. Бубельников и другие.

«...я никогда не проводил резкой грани между исполнительством и педагогикой. По моему глубокому убеждению, одно лишь дополняет другое: педагог должен играть, концерттировать, а хорошие ученики обогащают, помогают разобраться в собственных творческих замыслах, исполнительских идеях. <...> Основным в педагоге я считаю умение воспитывать не учеников, с готовностью выполняющих твое любое требование, а музыкантов, обладающих собственной творческой индивидуальностью, могущих умно возражать, логично спорить, иначе говоря, людей, способных в будущем к самостоятельному творчеству». («Советская музыка», № 11, 1967). Несомненно, что огромным уважением и авторитетом, которыми пользовался Павел Алексеевич, в немалой степени он был обязан и своей обширной концертной деятельности. «Репертуар Серебрякова был грандиозен и все время обновлялся. Ни возраст, ни педагогические обязанности, ни организаторская и общественная деятельность не могли помешать ему учить все новые и новые программы. Так, только в 1967 году <...> он выступил с циклом фортепианных вечеров-монографий, в котором более 10 крупных произведений было сыграно впервые. <...> Имя Серебрякова было известно не только в нашей стране. В 50 – 60-е годы он выступал на эстраде пяти континентов. Помнится, весной 1963 года он дал концерты

более чем в 30 городах Японии, в 1965 году совершил трехмесячное турне по Австралии и Новой Зеландии. Иногда (например, в Канаде) он был *первым* советским пианистом, выступавшим на чужой земле. И всюду его мастерство находило признание и получало самые высокие оценки». (3, т. 2, с. 96) Несомненно, что во главе консерватории стояла яркая и незаурядная личность. «Его работоспособность была уникальной, энергия — неиссякаемой. Будучи ректором, он вникал в мельчайшие подробности консерваторской жизни, соединяя обязанности организатора, администратора и художественного руководителя вуза. <...> Как ректор и музыкант он считал своим долгом откликаться на все значительные события современности: политические, культурные, музыкальные. Мы с интересом и удивлением (когда же только он успевает?) читали его статьи, появившиеся на страницах газет и журналов, высказывания по поводу учебных программ, методики преподавания в музыкальных вузах, размышления члена жюри международных конкурсов в Варшаве, Москве, Лейпциге, Праге, Рио-де-Жанейро о развитии советской пианистической школы. И эта сторона его деятельности имела большое воспитательное значение». (3, т. 2, с. 96)

Конечно, П.А. Серебряков, как и любой человек того времени, не был свободен от подчинения официальной идеологии, тем более, находясь на столь ответственном посту. После выхода в 1948 г. известного постановления ЦК ВКП(б) «Об опере Мурадели “Великая дружба”», он был принужден уволить из консерватории Д.Д. Шостаковича, а затем выступить с резким осуждением «антипатриотичной» группы критиков, в которую входили С.Н. Богоявленский, М.С. Друскин, С.Л. Гинзбург, А.К. Буцкой и другие. Но это, пожалуй, единственный случай за 28 лет, когда Павел Алексеевич так резко выступил против музыкантов, и этот факт нельзя не оценить, тем более, принимая во внимание обстановку, царившую в стране.

Заслуги П.А. Серебрякова неоднократно отмечались: он был награжден орденом Ленина, дважды — орденом Трудового Красного Знамени, в 1962 году был удостоен почетного звания «Народный артист СССР».

Огромная работа была проделана П.А. Серебряковым и его помощниками и во время эвакуации консерватории в 1941 – 1944 годах в Ташкенте. Война, бесспорно, стала тяжелым испытанием для всех, а также и серьезным экзаменом на талант администратора для молодого (Серебрякову было тогда 32 года) директора консерватории. И этот несомненный талант помог наладить не только учебную, творческую и научную работу (несмотря на проблемы с помещением и недостаток инструментов), но и объединить вокруг консерватории музыкантов, эвакуированных из других республик и городов, внося большой вклад в развитие музыкальной жизни Узбекистана. В 1944 г. заслуги Серебрякова были отмечены присуждением звания «Заслуженный деятель искусств УССР». Несмотря на большие трудности, сопряженные с военным временем и необходимостью присутствия в Ташкенте, Серебряков нашел время и силы дважды прилететь в осажденный Ленинград, в котором оставалась часть студентов и преподавателей, героически продолжавших занятия в тяжелейших условиях блокады.

С сентября 1941 г. в Ленинграде обязанности руководителя консерватории исполняла выпускница режиссерского факультета **Антонина Федоровна Лебедева**. «... она на протяжении всей зимы, труднейшего периода блокады, находилась на своем посту. Во время воздушных тревог и бомбардировок появлялась на самых опасных участках, личным примером воодушевляла бойцов охраны. Неимоверное напряжение подорвало ее здоровье». (З, т. 2, с. 14) Она умерла в больнице 1 апреля 1944 года.

В начале июня 1943 года и. о. директора был назначен **Григорий Федорович Фесечко**, закончивший инструкторско-педагогический факультет. При нем возобновились занятия, оживилась концертная жизнь, начались восстановительные работы в разрушенном здании.

28 сентября 1944 г. обе части консерватории воссоединились в освобожденном Ленинграде. Конечно, многое пришлось восстанавливать, невосполнимы были людские потери (многие педагоги и выпускники погибли в годы войны), но тяжелый период был пройден.

В 1951 – 1961 годах консерваторию возглавлял **Юрий (Георгий) Васильевич Брюшков**. Видный пианист и педагог, закончивший аспирантуру Московской консерватории по классу К.Н. Игумнова, принимал большое участие в делах студентов. Из воспоминаний Б.И. Тищенко: «...после первого же экзамена меня «попросили» оставить композиторский факультет. Спасибо тогдашнему ректору, добрейшему и интеллигентнейшему Ю.В. Брюшкову за то, что он разрешил мне совместительство с фортепианным факультетом, а то пришлось бы переключиться на изучение интегралов и дифференциалов, как мне пророчили в школе». (З, т. 1, с. 238) И личные качества Ю.В. Брюшкова, и политическая ситуация в стране (как известно, в пятидесятые годы в СССР наступила «оттепель») способствовали благодатной творческой атмосфере в консерватории. Продолжая уже установившуюся традицию, он регулярно публиковал в газете «Музыкальные кадры» статьи, в которых обсуждались задачи, стоящие перед консерваторией, отзывы на фестивали и конкурсы, рецензии на концерты. Большой вклад внес он и в развитие музыкальной культуры соседних стран; награжден орденом Румынии «За заслуги в искусстве», орденом Югославии «Братство и единство» I степени.

С 1952 года в консерватории преподавал ее выпускник, замечательный исполнитель на трубе, профессор **Юрий Андреевич Большианов**. С 1945 г. он работал в Академическом симфоническом оркестре Ленинградской филармонии, и неизменно получал великолепные отзывы: «Юрий Андреевич Большианов является одним из самых талантливых и ярких артистов оркестра. <...> Отличительной чертой творческой деятельности Большианова является постоянная передача своего большого опыта молодым музыкантам. С полной ответственностью могу охарактеризовать Ю.А. Большианова как весьма ценного и незаурядного исполнителя с ярко выраженными талантливыми педагогическими способностями» (из отзыва Е.А. Мравинского, «Музыкальные

кадры», 1988 г. № 10, с. 3). Действительно, его педагогический талант был несомненным: ученики Большаева составляли почти полную группу труб первого и второго состава в Академическом симфоническом оркестре, в театре оперы и балета им. Кирова, играли во многих коллективах Ленинграда. С 1977 по 1979 гг. он был ректором консерватории. По воспоминаниям заведующей архивом Р.А. Смольяниновой, он обладал замечательными человеческими качествами, большой порядочностью и ответственностью, принимал живейшее участие в судьбе студентов. Творческая и научная деятельность вуза продолжала оставаться на высоком уровне.

Безусловно, эпоху в истории консерватории XX века составил **Владислав Александрович Чернушенко**, который был ректором с 1979 по 2002 гг. Несомненно широкий масштаб его деятельности: с 1974 года он является художественным руководителем и главным дирижером Государственной Академической капеллы им. Глинки, с 1974 г. же — председателем Хорового общества Ленинграда – Санкт-Петербурга, с 1983 г — заместителем председателя Всероссийского музыкального общества, с 1986 г. — председателем Ленинградского – Санкт-Петербургского музыкального общества; лауреат Государственной премии РСФСР (1981), профессор (1987), лауреат премии Совета Профсоюзов (1989), Народный артист СССР (1991), лауреат государственной премии РФ в области музыкального искусства (1994), награжден орденом Дружбы (1996), лауреат премии Академии Искусств Франции за вклад в искусство (1999). Этот неполный перечень наград и званий говорит сам за себя, в том числе, и о большом значении, которое имела общественная деятельность В.А. Чернушенко. Длительный период его труда на благо Alma Mater (которую он заканчивал по двум специальностям: хоровое и оперно-симфоническое дирижирование) заслуживает отдельного исследования; достаточно сказать, что ему, как и Глазунову в начале века, выпало на долю провести консерваторию сквозь череду бурных общественных потрясений России конца века, и Владислав Александрович с честью справился с этой задачей. Многие вспоминают его как принципиального и ответственного руководителя (хотя, разумеется, были и противоположные точки зрения), главной идеей которого было воспитание музыканта-просветителя. Т.о. появилась должность проректора по творческой работе — человека, осуществляющего организацию и контроль над всей концертной и музыкально-просветительской деятельностью консерватории. Этого же принципа придерживается и сам Чернушенко в своей работе главного дирижера Государственной академической капеллы им. Глинки, коллектив которой не раз под его руководством занимал первые места на различных конкурсах и Всесоюзных смотрах. Большая заслуга Владислава Александровича в том, что он одним из первых, если не самый первый, стал широко обращаться к богатейшей культуре русской духовной музыки, в возрождении которой он сыграл огромную роль. Большой общественный резонанс имели прозвучавшие под его управлением «Всенощное бдение» С.В. Рахманинова и «Литургия Иоанна Златоуста» П.И. Чайковского. В настоящий праздник хорового искусства превращаются каждый раз организованные им Хоровые ассамблеи, пользующиеся огромной любовью слушателей и исполнителей.

Продолжая многие славные традиции своих предшественников на посту ректора консерватории, в том числе и обсуждения в печати проблем и задач, стоящих перед ней, он, например, в 1988 г., говорит о трех основных направлениях работы:

«Первое — это кадры. Хочется видеть более интенсивную конкуренцию на места педагогов со стороны нашей творческой молодежи. Честь и слава тем, кто отдал вузу многие десятилетия, но остается беспокойство: достойны ли будут преемники славы своих предшественников, хватит ли их уровня компетенции и мастерства, чтобы перенять эстафету. <...> Второе направление — это совершенствование учебного процесса. Нужны новые учебные планы. Принципиально новые, а не отретушированные, отреставрированные. Цель и мерило здесь — желание подготовки подлинного музыканта. <...> И, наконец, третья, очень объемная и многоликая проблема — т. н. материальной базы. Здесь и завершение ремонта старого общежития, и подготовка к капитальному ремонту учебного здания, и самое главное, оснащение учебного процесса всем необходимым: хорошим инструментарием, множительной техникой и многим еще. <...> Следует принимать безостановочные усилия, чтобы эти вопросы решались». («Музыкальные кадры», 1988 г, № 13). Одной из главных задач он ставил развитие и укрепление международных связей вуза, в результате чего в 2001 году появился и с тех пор ежегодно проводится Международный фестиваль консерваторий, в котором принимают участие самые известные и авторитетные музыкальные учреждения разных стран.

В 2002 году В.А. Чернушенко уходит со своего поста, и руководство старейшим высшим музыкальным учебным заведением России принимает видный музыкант, Заслуженный артист РФ, воспитанник консерватории, **Сергей Павлович Ролдугин**.

Но новый век диктует новые правила, а минувшая эпоха безвозвратно уходит.

Пусть будет жива память о тех, кто в XX столетии трудился на благо консерватории, и их заслуги перед историей не канут в Лету.

Использованная литература

1. 100 лет Ленинградской консерватории. Л., ГМИ, 1962.
2. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Л., ГМИ, 1962.
3. Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Тт.1 – 2. Л., «Музыка», 1987 – 1988.
4. Музыка России. Вып. 6. М., «Советский композитор», 1986.
5. Баранцев А. Портреты советских исполнителей на духовых инструментах. М., «Советский композитор», 1989.
6. Советская музыка. 1967. № 11; 1989. № 5, № 8; 1990. №2.
7. Музыкальная жизнь. 1981. № 2; 1982. № 6; 1988. № 6, № 9.
8. Музыкальные кадры. Выпуски за 1949, 1953, 1964, 1969, 1974, 1976, 1977, 1979, 1981, 1982, 1988, 1990 гг.
9. Архив СПб консерватории.